

Романова Любомира Григорьевна, Эрик Крюбези

СВЯЗЬ ТОПОНИМИКИ И АРХЕОЛОГИИ: НА ПРИМЕРЕ ЯКУТСКИХ ТОПОНИМОВ

В статье рассматривается роль топонимики в археологии на примере названий разных ландшафтов на территории Якутии, где были проведены археологические раскопки погребений XVII-XVIII веков. Анализ топонимов показывает преобладание наименований возвышенностей, аласов, а также рек и озер как жизненно значимых в жизни и смерти якутов. Рассматриваемые топонимы классифицируются на географические и социально-экономические, первые из которых отражают особенность якутского ландшафта, а вторые - традиционную деятельность - скотоводство и охоту.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 1. С. 146-149. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и выражений. М.: Азбуковник, 2000. 944 с.
 12. Расторгуева М. Б. Речевой жанр церковно-религиозной проповеди: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2005. 26 с.
 13. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г. Н. Склярской. М.: Астрель; АСТ, 2001. 944 с.

**THE LEXICAL STYLE-FORMING MEANS OF HAGIOGRAPHIC GENRE
 (BY THE EXAMPLE OF CONFESSIONAL VOCABULARY IN THE LIVES OF XENIA OF SAINT PETERSBURG)**

Rastorgueva Marina Borisovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Voronezh State Technical University
 rast.mari@mail.ru

The article discusses the question of lexical style-forming means of a hagiographic genre by the example of the confessional vocabulary, presented in the Lives of Xenia of Saint Petersburg. The author considers the thematic groups and subgroups of this lexical layer in comparison with a similar vocabulary of church and religious sermon and by the examples substantiates the thesis that both genres can be attributed to a religious-sermon style.

Key words and phrases: confessional vocabulary; lives; sermon; church and sermon style; thematic groups and subgroups.

УДК 8; 81:572

В статье рассматривается роль топонимики в археологии на примере названий разных ландшафтов на территории Якутии, где были проведены археологические раскопки погребений XVII-XVIII веков. Анализ топонимов показывает преобладание наименований возвышенностей, аласов, а также рек и озер как жизненно значимых в жизни и смерти якутов. Рассматриваемые топонимы классифицируются на географические и социально-экономические, первые из которых отражают особенность якутского ландшафта, а вторые – традиционную деятельность – скотоводство и охоту.

Ключевые слова и фразы: топонимы; якутская археология; географические топонимы; социально-экономические топонимы; булгуннях; аласы; гидронимы.

Романова Любомира Григорьевна

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
 liubomirarom@mail.ru

Эрик Крюбези

Университет Тулуза III им. П. Сабатье, Франция
 crubezy.eric@free.fr

СВЯЗЬ ТОПОНИМИКИ И АРХЕОЛОГИИ: НА ПРИМЕРЕ ЯКУТСКИХ ТОПОНИМОВ

*Статья публикуется в рамках реализации проекта РНФ № 15-18-20047
 «Онтология ландшафта: семантика, семиотика и географическое моделирование».*

Топонимика как наука возникла на стыке трех дисциплин: языкознания, истории и географии. Топонимы отражают не только географическую действительность, но и хранят в себе следы исторических процессов и событий, являются словесным творчеством, культурным наследием народа [5, с. 3]. Особые отношения топонимики имеет с археологией: с одной стороны, археологические находки получают свое наименование по названию местности, где производились раскопки; а с другой стороны, топонимы служат, при их знании и правильной интерпретации, ориентиром для поиска археологических памятников. В данной статье мы хотим представить связь топонимики и археологии на примере работы франко-якутской археологической экспедиции, осуществляющей раскопки погребений, датированных XVII-XVIII веками на территории Республики Саха (Якутия), а именно в Центральной Якутии, Виллойской группе улусов, а также Верхоянском и Оймяконском улусах.

Изучение названий географических объектов перед непосредственно самой археологической разведкой является обязательной частью работы, и этому есть несколько причин. Во-первых, огромная площадь территории Якутии – около 3 000 000 км² – в которой поиск археологических памятников, при неведении ее особенностей, превращается в поиск иголки в стоге сена. Во-вторых, на этой земле исторически сосуществуют несколько этносов, кроме якутов и русских, здесь проживают и эвены, эвенки, чукчи, юкагиры, долганы, соответственно, топонимы могут иметь разное языковое происхождение и, тем самым, прямо или косвенно, указывать на миграционные процессы. Отсутствие сохранившихся признаков археологического памятника на поверхности земли ограничивает разведку до изучения карт, опроса местных жителей и, самое главное, установления связи рельефа земли с возможным нахождением археологического памятника.

В этой связи необходимо отметить два момента. Во-первых, особенность природопользования, диктуемая основными видами их деятельности – скотоводством и коневодством, определила расселение якутов на таежных

лугах и речных долинах. Так, в Центральной Якутии характерно аласно-дисперсное расселение якутов. Другими словами, якутская семья заселяла алас, типичное для Лено-Амгинского междуречья геологическое образование, появившееся в результате оттаивания подземных льдов, имеющее овальную форму, в низине которой находится озеро, а на склонах – лугово-стенная растительность. В тех местах, где нет этой аласной системы, а в рамках нашего исследования это районы рек Вилюя (Вилюйский, Верхневилуйский, Сунтарский, Нюрбинский улусы), Яны (Верхоянский улус) и Индигирки (Оймяконский улус), якуты заселили долины этих рек.

Во-вторых, следует учитывать погребальный обряд у якутов. Не претендуя на исчерпывающее описание всех обычаев захоронения, отметим лишь, что у якутов существовало несколько способов захоронения: арангасный – «воздушный», наземный и, наконец, грунтовый, на который мы и обратим внимание [1, с. 21].

Якут желал быть захороненным на террасе своего аласа. Исследователи находят этому несколько причин. По практическим соображениям, это объясняется сухостью и легкостью грунта на высоких местах. Кроме того, с этнографической точки зрения, такой выбор связан с поклонением солнцу, а также с возможностью наблюдать за своим аласом в загробной жизни [Там же, с. 22].

Из этого следует, что при поиске грунтовых погребений средневековья в Якутии, в первую очередь, исследуются мысы и возвышенности, находящиеся на аласах. В тех местах, где нет аласов, поиск осуществляется по схожести рельефа с Центральной Якутией, откуда расселились якуты в дальние районы. Немаловажную роль играют и возвышенности у старых грунтовых дорог и пинго (булгуннях), где обычно и происходило захоронение [9, с. 57].

Исходя из вышесказанного, рассмотрим на конкретных примерах топонимы, в местах обозначения которых были найдены сохранившиеся археологические памятники якутского средневековья.

На топографических картах указаны в большинстве случаев населенные пункты: деревни, бывшие или действующие молочно-товарные фермы, участки. Однако эта информация слишком обобщенная, чтобы служить надежным указателем в поисках захоронений. Кроме того, как правило, карты иллюстрируют официальные названия местностей, оставшиеся еще со времен Советского Союза или переименованные после его распада. В большинстве случаев наряду с административным названием существует и традиционное наименование, сохранившееся с незапамятных времен. На эти названия и следует обратить внимание. Местные жители, а именно скотоводы, коневоды, охотники, егери, старожилы, являясь носителями культурной памяти и народного знания, оказывают непосильную помощь в определении названий местностей и гипотетических мест захоронений. Так, например, в 2014 г. благодаря помощи скотовода из с. Берек-Юрдэ Оймяконского улуса, в этой местности были найдены три захоронения, датируемые XVII веком, вероятно, первых якутов, прибывших на эту территорию из Центральной Якутии.

Согласно общепринятой классификации, топонимы делятся на природные, указывающие на особенности рельефа, и социально-экономические, связанные с жизнедеятельностью человека [4, с. 15].

Топонимы, указывающие на природные особенности рельефа

В первую очередь, внимание привлекают различные наименования возвышенностей – оронимы, при этом многие географические термины выступают в качестве имен собственных. Например:

- булгуннях, иначе пинго, это «многолетний куполообразный бугор пучения с ледяным ядром», образующийся в зоне вечной мерзлоты, высота которого может достигать 40-70 метров [3, с. 64]. Интересно отметить отношение к булгунням местных жителей, которые не имеют научного представления об образовании такого вида ландшафта, считают булгуннях антропогенным образованием и нередко связывают его с чем-то мистическим или легендарным. Так, в Таттинском улусе, недалеко от села Уолба, находится огромного размера булгуннях, который, согласно местной легенде, является местом захоронения шамана. Его исследование ничего не выявило;

- Тумул, с якутского языка «предгорье, выступ нагорья, мыс» [8, стб. 2810]: Ойоҕос тумула – боковой мыс, Истин тумула – мыс дудника или лесного дягеля [6, стб. 975], Тумуһахтаах – от тумуһах – мыс, горная, лесная сопка, Сэттэ тумул – семь мысов. В якутском языке существует эвфемистическое выражение «тумулугар тахсыбыт» – вышел на свой мыс, т.е. умер и похоронен. А цифра «семь» может использоваться в значении «много, множество» [10, с. 100];

- Мыраан – холм, гора [7, стб. 1659]. Например, Истээх мыраан – вместительный холм, Үрүн Мыраан – белый холм;

- Томтор – ойконим, значение которого «возвышение, холм, пригорок, бугор, курган» [8, стб. 2723];

- Сис – горная цепь, горный хребет, гора, высокое место, перевал [7, стб. 2248]. Например, Сытыган Силэ – зловонная гора либо гора с полынью [Там же, стб. 2502];

- Дабаан – путь на гору, подъем; гора, пригорок [6, стб. 658]. Например, Ат Дабаан – конный подъем. Однако известный исследователь якутской топонимии Б. Сюлбэ утверждает, что слово «ат» может использоваться в значении «высокий», поскольку в якутской культуре конь является божественным животным [10, с. 39-40]. Таким образом, топоним Ат Дабаан означает «очень высокая гора».

Географический термин «алас» является одним из самых употребительных в образовании топонимов, при этом примыкающее к нему слово выражает какую-то характеристику, особенность данного аласа. Например, Бөх алас – алас с мусором, Улахан алаас – большой алас, Туман алаас – туманный алас, Оттоох алаас – алас, поросший травой.

Гидронимы – названия рек и озер – часто образованы при помощи географических терминов үрэх – речка и күөл – озеро. Например, Мунгур үрэх – крайняя (последняя) речка, Туора үрэх – приток (дословно «поперечная

речка»), Даккы күөлэ – озеро Даккы, Тонус Күөл – тунгусское озеро, Угут Күөл – от «угут» – полноводье – полноводное озеро. Слово «эбэ», первое значение которого «бабушка», широко употребляется как ласкательное и почтительное именование любого водного объекта: реки, речки, озера, имеющего какое-то хозяйственное значение в жизни якута и «вообще всякое родное урочище» [6, стб. 215]. Например, Киэнг эбэ – широкое озеро. Кроме этого, встречаются и эллиптированные названия: Синныгэс – узкая (река), Нэлэгэр – широкое (озеро).

Местность также может быть названа по типу растительности: Кулуһуннаах – место, поросшее ситником, Тиит баппыт – заполненный лиственницей, Хатыннаах – березовый, Батта Чарана – березовая роща Батта. У якутов береза издревле считается священным деревом. С одной стороны, береста активно использовалась для хозяйственных нужд: ею покрывали летнюю юрту – ураса, изготавливали разнообразную посуду, весной добывали ее сок. С другой стороны, она олицетворяла дерево небесных божеств, а значит, использовалась в ритуальных обрядах. Согласно верованиям, дух хозяйки земли Аан Алахчын Хотун селилась именно в старой березе. Неудивительно, что много топонимов образовано со словом «береза» или «роща (березовая)». Так, в словаре Э. Пекарский указывается, что слово чаран (роща) – «название населенных зимних пунктов почти во всех улусах Якутского округа» [8, стб. 3576].

Топонимы, указывающие на жизнь и деятельность якутов

Большое количество топонимов отображают основной вид деятельности якутов – скотоводство. Топоним может происходить как от наименования самого скота: Тыһаҕастаах – местность с двухтравным теленком, так и его определенной части: Атыыр Мэйиитэ – мозг жеребца. Распространены топонимы, указывающие на различные сооружения, связанные с хозяйством: Бүтэйдээх – с изгородью, Сэргэлээх – с коновязью, Күрүүлээх – огороженный. Традиционное зимнее жилище якутов также служит образованию топонима: Балаҕаннаах – с балаганом.

Охота и рыбалка, как вспомогательный вид добычи пропитания у якутов, оставляют след в географических названиях. Так, особо богатые промыслом местности обозначаются следующим образом: Балыктаах – рыбный, Сүүс Кустаах – со ста утками, Сордонноох – с щукой, Собоолоох – с карасем.

Топонимы, связанные с конкретным историческим событием или лицом: Уус сирэ – местность кузнеца, вероятно, в память о некогда жившем в этой местности кузнеце; Охтубут – упавший, согласно местной легенде, место, бывшее полем боя между якутскими родами, Дьүһүлэн – неистовствуй, возможно, как отражение народной памяти о камлании шамана, происходившем в данной местности. Отдельно стоит отметить местность Өбүгэ – предки, земля предков, находящуюся в Оймяконском улусе, которая по ландшафту схожа с аласами Центральной Якутии, и где были найдены наиболее древние захоронения на территории данного улуса, и это навеивает на мысль о том, что якуты заселяли в первую очередь места со знакомым им рельефом.

Захоронения, оставшиеся по каким-либо причинам в народной памяти, могут также служить названием местности: Кыыс унуоҕа – захоронение девушки, Дьахтар өлбүтэ – захоронение женщины, Омук унуоҕа – захоронение омука¹. При этом, в местности Кыыс унуоҕа действительно находилась могила девушки из зажиточной семьи [2, с. 19; 12, р. 28], а в захоронении Омук унуоҕа был найден, среди прочего, сопроводительный материал тунгусского происхождения: декорированный передник из ровдуги, шапка, сумка из рыбьей кожи и защитные ровдужные чехлы, надеваемые на кисти рук [11, р. 231-240]. Но это не означает, что название всегда соответствует найденному: например, в местности Дьахтар өлбүтэ – погребение женщины – было раскопано захоронение подростка четырнадцати-семнадцати лет, пол которого невозможно было определить.

Как показал анализ топонимов Якутии, где были найдены археологические памятники средневековья, среди них преобладают названия различного рода возвышенностей, аласов, рек и озер. Распространены также топонимы, указывающие на традиционные занятия якутов: скотоводство, охоту, рыболовство. Некоторые названия связаны с конкретным историческим событием или лицом. Если место имеет название – это уже показатель того, что оно было отмечено присутствием человека, и оно возникло не случайно, а как результат осмысления человеком особенности или характерного признака местности, а потому топонимы – это богатый источник для изучения не только географии, но и истории края.

Список литературы

1. Бравина Р. И. Погребальный обряд якутов (XVII-XIX). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. 232 с.
2. Крюбеси Э., Алексеев А. Н. Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Сахарно-французской археологической экспедиции). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. 226 с.
3. Мильков Ф. Н., Бережной А. В., Михно В. Б. Терминологический словарь по физической географии. М.: Высш. шк., 1993. 288 с.
4. Монастырев В. Д. Структура и семантика топонимов (на материале топонимии правобережных районов Центральной Якутии) [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. филол. н. Якутск, 1993. 22 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/425907/a#?page=22> (дата обращения: 02.11.2016).
5. Мурзаев Э. М. Топонимика и география. М.: Наука, 1995. 304 с.
6. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3-х т. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. Т. 1. С. I-XX. Стб. 1-1280.
7. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3-х т. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. Т. 2. Стб. 1281-2508.
8. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3-х т. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. Т. 3. С. I-VIII. Стб. 2509-3858.
9. Попов В. В. Новые археологические памятники средневековья Якутии (2004-2005 гг.) // Тальцы. 2007. № 1 (30). С. 56-60.

¹ Омук – иностранец, инородец, в старину именовали тунгусов.

10. Сюлбэ Б. Топонимика Якутии. Якутск: Бичик, 2004. 192 с.
11. Crubézy E. HURASIE. Peuplements humains et coévolution homme/milieu en Sibérie et dans la steppe eurasiatique au cours de l'holocène: Rapport. Toulouse, 2014. 308 p.
12. Crubézy E. MAFSO. Rapport de la Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale. Toulouse, 2005. 174 p.

THE RELATION OF TOPONYMY AND ARCHAEOLOGY: BY THE EXAMPLE OF THE YAKUT TOPONYMS

Romanova Lyubomira Grigor'evna
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
liubomirarom@mail.ru

Erik Kryubezi
The University of Toulouse III Paul Sabatier, France
crubezy.eric@free.fr

The article discusses the role of toponymy in archaeology by the example of the names of different landscapes in the territory of Yakutia, where the archaeological excavations of the burials of the XVII-XVIII centuries were carried out. The analysis of toponyms shows the predominance of names of hills, alasses, as well as rivers and lakes as vital in the life and death of the Yakuts. The toponyms under study are classified into geographical and socio-economic ones, the former reflect the peculiarities of the Yakut landscape, and the latter reflect the traditional activity – cattle breeding and hunting.

Key words and phrases: toponyms; the Yakut archaeology; geographical toponyms; socio-economic toponyms; pingo; alasses; hydronyms.

УДК 81'22

В статье рассматривается медиадискурс, в частности, его религиозный подтип, как лингвокогнитивный феномен, среда функционирования знаков, знакообразующая база. Автор доказывает, что значительный знакообразующий потенциал религиозного медиадискурса связан с процессом интерпретации. Исследуются также одни из важнейших характеристик религиозного медиадискурса – когерентность и когезия. Определяется, что последние связаны с процессами вторичного означивания языковых единиц.

Ключевые слова и фразы: семиология; первичное и вторичное означивание языковых единиц; дискурс; дискурсивная когерентность и когезия; интерпретативно-оценочный уровень мышления.

Семухина Елена Александровна, к. филол. н.
Саратовский социально-экономический институт (филиал)
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова
semuh@rambler.ru

О СЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ СВОЙСТВ ФРАНЦУЗСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО МЕДИАДИСКУРСА

В настоящее время когнитивная лингвистика имеет статус интегрированной науки, включающей в себя в том числе и семиологические исследования. Е. С. Кубрякова указывает, что когнитивный подход, основанный на анализе процессов концептуализации и категоризации, на изучении деятельности по обработке информации, поступающей к человеку по всем каналам и воспринимаемой им в актах его взаимодействия с миром, предполагает обращение к языковым знакам как носителям знаний и значений. То есть, как подчеркивает лингвист, «развитие когнитивизма вне семиотики попросту невозможно» [4, с. 96-97].

В рамках семиологического подхода к анализу оперирования знанием в языке представляется возможным диверсифицировать первичное и вторичное означивание языковых единиц. В результате первичного означивания за каждым знаком закрепляется смысл или значение. Вторичная обработка знаний, их интерпретация, приводит к тому, что тот же знак может служить для передачи дополнительных смыслов. Как подчеркивает Н. Н. Болдырев, таким образом языковые знаки репрезентируют концептуальное содержание разного типа. Первичное означивание связано с объективацией тематических концептов и категорий, вторичное – с актуализацией ситуативных концептов [2]. Или, иначе говоря, «словесный знак <...> основная лингвокогнитивная единица языковой системы <...> фиксирует, храня в скрытом виде, формы “перехода” старого опыта (знания) в новый, своеобразно отражает в своем значении ступеньки человеческого познания» [6, с. 68].

Вторичное означивание включает в себя интерпретанту (этап осмысления знака) и интерпретатора (личность, осуществляющую интерпретацию знака). В связи с этим интересным представляется отметить, что термин «интерпретатор» может быть заменен в рамках когнитивной парадигмы на «субъект вторичного осмысления». Деятельность последнего соотносится с интерпретативно-оценочным уровнем мышления, с которым связано формирование субъектно-индивидуальной системы знаний, опирающейся тем не менее на типизированные, коллективные схемы знаний [5].